

84(2Рос.Хак)6-5

T-23

В. ТАТАРОВА

Брусника
НА
ЛАДОНИ

Посвящаю сыну и дочери

ВАЛЕНТИНА ТАТАРОВА

Крушник
НА
ЛАДОНИ

СБОРНИК СТИХОВ

ГБУК РХ "НБ
им. Н.Г. Доможакова"

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЙРА»

АБАКАН - 1995

ББК 84Р7 — 5

Т 12

В.К. Татарова

Т 12 Брусника на ладони. Сборник стихов. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1995, 128 с.

ISBN 5-7091-0054-4

Родная Хакасия, её древние реликвии, истинные ценности, связь прошлого с настоящим — тема лирики В. Татаровой, известно читателю по повестям «Крик турпана», «Бела Айра», «На реке Иренек».

Т 4702010202—020 131—95
М 164 [03]—95

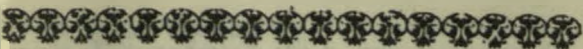
ББК 84Р7—

ISBN 5—7091—0054—4

© В.К. Татарова,
автор, 1995.

© В.Н. Кызласов,
оформление, 1995.

ЮНОШЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

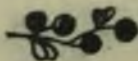

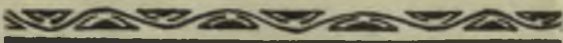
БРУСНИКА НА ЛАДОНИ

Брусничный край — Хакасия моя.
Твои рассветы рдеют краснопенно.
И солище-пось, дыханье затая,
Несет их на рогах степенно.

Несет их гордо и легко.
Грядущий день сулит рассветы.
С ладони каплею коралловой стекло
Брусникой вызревшее лето.

1983

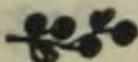
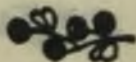
ТЕЛЕНОК

*О, детства мир волшебнь
Останься навсегда со мн*

Лижет солнечным языком
Мои окна тепенок-утро.
И поводит стоящим торчком
Красно-рыжим шершавым ухом.

И я выхожу на крыльцо,
Чтоб в зеленом ведерке пуга
Тумана парным молочком
Напоить шапопая-друга.

1969

КНЯГИНЯ

Так нежно-нежно, словно песня,
Так робко-робко, как твоя рука,
Ласкает ветку эту смуглый ветер
Восторженной улыбкой чудака.

И хоть княгиней ветка золотая
На мир с величием глядит,
Она сама, того не замечая,
В ответ на ласку тоже шепестит.

1972

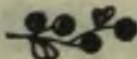
ЛОСЕНОК

*Дети лосей в зоопарках
не выживают/со слов егеря/.*

Голубые песцы-сугробы
Облюбовали уже кедрач.
Юный месяц-посенок безрогий
До рассвета дурачился вскачь.

Из-под копыт его россыпью синей
Млечная пыль поднималась в ночи.
Мудро, светло, как сыном,
Любовались им кедрачи.

1970

ЮНАЯ ХАЙДЖИ

Весна пришла такая юная.

Весна сегодня веселей и бойче,
Она сегодня — юная хайджи.
И стран волшебных миражи
Сегодня явственней и звонче.

Она играет. Струны из капли
Так чисто и взволнованно звенят,
Они, наверно, рассказать хотят
О милом чуде-апреле.

И о любви, конечно. Удивленно
Скворечня брови подняла,
Как будто что не поняла
Из песни для влюбленных.

И даже солнце с поднебесья!
На шар земной глядит оно,
В кого же больше влюбленно —
В певицу или песню?

Весна-весна! Играй же веселее,
Ведь ты сегодня — юная хайджи!
Как на большом айтысе¹, покажи
Все мастерство на струнах из капли.

1970

СТРОКА

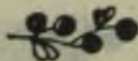
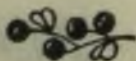
В небе черными клячьями
Разбрепись облака.
Юных звезд многоточьями
Недовысказана строка.

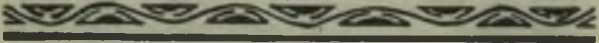
И я бережными ладонями
Многоточья хочу сгрести.
А они золотыми конями
Уплывают луну пасти.

И уздечкой звенят серебряно
Из космического далека.
И огнем, затаенным в кремни,
Недовысказана строка.

1973

¹ А й т ы с — состязание певцов-импровизаторов

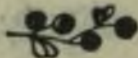
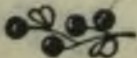

НОЧЬ

Всю ночь я греюсь
Желтым абажуром.
Горит настольная
До самого утра.
Пока мороз не выточит
Узор ажурный
Бородкой белой на стекле,
Как кончиком пера,
Пока горячей
Мыслью вдохновлённа,
Доштопаю каракули
Последнего листа.
На руку голову склонив,
Не выключив настольный,
Усну, рассветного
Не ведая часа.
И будут сниться
Синие сугробы
И мпечный дым
От догорающей
Свечи-пуны,
Что даже ходики
Своим обычным ходом
Не будут сметь нарушить
Этой тишины.

1971

* * *

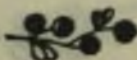
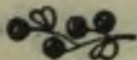
Я дрогнувшей рукой
Коснусь твоей ладони.
Рассыпав дробью дни,
Промчались годы-кони.

И в сумерках дорог
Среди глухих бурьянов
Остыли по степи
Подковами курганов.

Но мне достался миг —
В тысячелетье это
На миг остановить
Вращение планеты.

И дрогнувшей рукой
Руки твоей коснуться.
Прости за то, мой дорогой,
Что кони вспять не понесутся.

1975

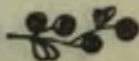
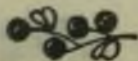
ЗОЛОТИНКИ ОСЕННИХ ДНЕЙ

А в зрачках твоих будто спрятаны
Золотинки осенних дней.
Оттого они с этой тайною
Сердцу в тысячу раз милей.

А в глазах твоих красно-апо
Отражается листьев грусть.
Во второго с такой отрадой
Я уже никогда не влюблюсь.

Я люблю тебя. Вот такого —
Без лукавинки и прикрас.
Из души вдруг плеснувшее слово
На падони несущий напоказ.

1970

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЗВЕЗД

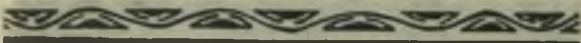
Ничего, только лунный свет,
Только снег без конца, без начала.
А забавно, как поезду вслед
Длинноногие кедров мчались.

И сугробы метель намела,
Словно звездам ночлег готова.
И пушиста она, и бела
Та перина под Млечным кровом.

Ничего, лишь тайга во сне,
Ничего, только нитки рельсов.
Но сквозь дрему чудилось мне —
Кто-то пел колыбельную песню.

1971

ЛУЧШЕЕ СЛОВО

Мир необъятен, как небо.
Но сегодня в ладонях моих
Животрепещет, немея,
Мой самый заветный стих.

Сквозь пальцы слова струятся,
Тихонько звеня-звеня,
Словно уздечки они боятся,
Не подпуская к себе меня.

И я протягиваю ладони,
Отпуская их до утра.
Слов нестреноженных вольные кони
Созвездьем пасутся, горя.

Как табунщик, совсем не строго
Я сегодня на них смотрю.
Губами теплыми лучшее слово
В ладонь мою ткнется само поутру.

1975

СНОВА ОСЕНЬ БРОДИТ

*Осень не хотела умирать
Она плакала.*

Снова осень бродит по песам,
Пряча грусть в прибрежных ивах.
И гуляет гребень ливней
По золотым березовым космам.

Опять грибами пахнут ливни,
И с каждым днем заметнее в листве
По прядке золота в зеленых косах ивы,
Сияющей в осенней тишине.

Но на рассвете стылом солнце
Вдруг расцветило золотом листву.
Искристой нитью, тонкой-тонкой,
Слезинка капнула в траву.

1975

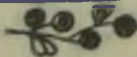
И зачем ты однажды прямо
И в упор посмотрел в меня.
Что-то, пронизывая, упало
В пекло сердечного бытия.

То ли искоркой в стог соломы
Чиркнул в душу мою тот взгляд.
И сердце мое опаленное,
И сердце мое обреченное,
И сердце мое обновленное
Стало сильнее стократ.

И зачем ты однажды прямо
И в упор посмотрел в меня.
Почему тихо ноет шрам мой
На исходе и этого дня.

1971

ГБУК РХ "НБ
им. Н.Г. Доможакова"

ТИХО-ТИХО СТРУНА ЗВУЧИТ

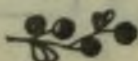
Тихо-тихо струна звучит,
Звуку радио вторит что ли.
На морщинистой старой руке
Моей бабушки вижу мозоли.

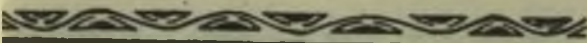
В доме чутко идут часы,
На печурке бульон бормочет.
Полубелый узор на стекле
Бородой своей месяц точит.

В доме прежний большой уют,
В доме также тепло и чисто.
И на том же висит гвозде
То же старое белое сито.

И в углу тот же синий шкаф
Занавешан дешевым ситцем.
На полу в шерстяном клубке
Те же старые рыжие спицы.

Только дрогнуло сердце вдруг
От немой, от внезапной боли,
На морщинистой старой руке
Моей бабушки вижу мозоли.

И чатхан по-другому звучит —
Рокотанием время льется.
А под бабушкиною рукой
Будто сердце ее молодое бьется.

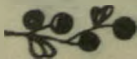
1971

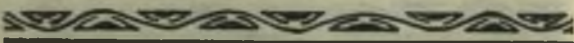
СНОВА ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Снова пух тополиный кружится
Так свободно и так легко,
И вон в ту небольшую лужицу
Добавляет своё молоко.

А в ветвях перезвон монистовый,
Чудный-чудный, такой чудной,
Словно ветер совсем не листьями,
А чатханной звенит струной.

1970

БЫЛЬ

На ветру играет космами ковыль.
Бродит за курганами дедовская быль.

На траву присядет и тайком вздохнет.
Может, видит скачки цокотом в налет.

Может, над побоищем видит хищных птиц,
Мать — седую женщину на убитом ниц.

Может, бубна слышит полуночный плач,
Видит, меч с размаху опустил палач.

Видит с нежной шеи сорванный коралл,
Он зарей кровавою от стыда сгорал.

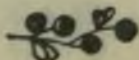
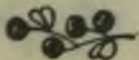
В небе над тасхыпами накипь облаков,
Облака разрыхлены тысячью подков.

Тихо над горами выплещет закат,
А седой очнется, попытавшись встать.

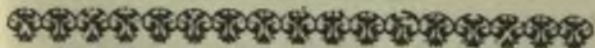
Посидит на камне, бородой встряхнёт
И о чём-то тихо про себя вздохнёт.

Встанет, обопрётся, распрямится вроде
До утра былое за курганом бродит.

1970

ТЕНИ ПРЕДКОВ МОИХ

БЕЛЫЕ ВСАДНИКИ

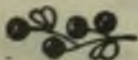
Этой ли ночью по белым степям
Белые всадники прогарцевали.
В серебряном свете полной луны
Белые шлемы их ярко мерцапи.

В инее белом бока у коней,
В белой пороше их длинные гривы.
Лисицами белыми возле их ног
Ледящего ветра играли порывы.

Белоснежная юрта ждала их вдали,
В безымянной долине Великого устья.
К коновязи времен выводила тропа,
Тропа беспредельной печали и грусти.

И на этой тропе не звенели узды,
И те белые всадники гордо молчали.
Это ночью прошедшей по снежным степям
Тени предков моих по земле кочевали.

1990

ДА. МЫ ОТТУДА

Да, мы оттуда. Из веков,
Что сумраком курганным затаились.
Там кони гулким цокотом подков
У горизонта растворились.

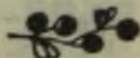
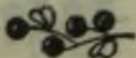
Там стихли стоны в тишине,
Там тропы заросли давно травой,
Но где-то там тебе и мне
Рождение даровано судьбою.

Да, мы оттуда. Отпыпап
Огонь свершившихся рождений.
Звезды предутренней коралл
Мерцает в перстне отраженьем.

Мерцает пламя ярко в снах.
Глядит обаа степной сурово.
На сером пбу Солярный знак
Едва приметен и бескровен.

А в нас течет все та же кровь —
Она с виска стекала на кольчугу,
Сынишка наш расплакаться готов,
Ее увидев на коленке, с перепугу.

¹ О б а а — каменное изваяние.

Да, мы оттуда. Из веков,
Что сумраком курганным притаились.
Там кони гулким цокотом подков
У горизонта появились.

1985

КАМЕНЬ КРАСНО-БЕЛЫЙ

*Каждый камешек таит в себе
тайну миллионов лет.*

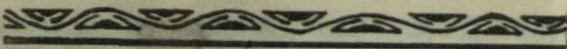
О том, о том — шепнул мне ветер.
Молчалио дерево — о том.
И, словно зверю в тесной клетке,
Мне тесен стал родимый дом.

Мне стали сниться сны иные.
Гудели кедры — и тогда,
Теряя след тропы в долинах,
Я прямо в травы шла туда.

Туда, туда — листва звенела.
Волна плеснулась, и на дне
Я увидала камень красно-белый
С прожилкой древней на седле.

1989

СОЛНЦЕ-БУБЕН

*Бубен потому круглый, что
есть изображение солнц*

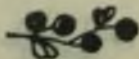
Взмахнув над миром синим рукавом,
Невидимый шаман возносит бубен,
Тьмы дух в бою осилив роковым,
Возносит солнце над долиной буден.

Курится дым над юртами, как сон,
Резвится возле коновязи жеребенок.
И лик небесного шамана обнажен,
Играет лучик солнца тонок.

Он входит в лист упругий. В роднике
Рождает трепетные блики.
Зажженный им, играет пламя в очаге
Ресницами богини огнеликой.

И колыбель Земли качают гулкие века
Гул самолетов над долиной буден.
Воздета к космосу шаманская рука.
Восходит солнце, солнце-бубен.

1990

СТОИТ ВЫСОКАЯ ТРАВА

*Услышь голос предков.
Они проросли травами.*

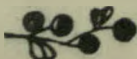
В пугах родимых и долинах
Стоит высокая трава.
С куста свисая, паутина
Вдруг колыхнулась. Чуть. Едва.

Едва-едва прошелестепа
Листва березки молодой.
О чем она сказать хотела,
Лист уронив на землю золотой.

Чей голос слышится мне тихий
В журчаньи струй из ручейка.
К нему сегодня поутру лосиха
Пришла, склонив в почтении рога.

Раскрыв ладони желтые, как солнце,
Княгиня-лилия качает головой,
На самом-самом сокровенном донце
Дрожит слезинка каплей роковой.

1985

ТЫ СКАЖИ, ОТЧЕГО

*Песни — зеркало судьбы народ
Покорить народ можно, но
отнять его песни — нельзя.*

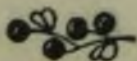
Ты скажи, отчего грустны
Песни родом с моих степей,
И волнение ковылей
Так похоже на взлет косы?

Ветер треплет их тихо-тихо.
А в июньские вечера
Краснолобой большой посихой
Солнце слизывает облака.

Ты скажи, отчего сильны
Песни родом с моих степей,
Словно цокот степных коней
В их мелодию вплетены.

И звучат они полугортанно,
Вторят струны им не спеша.
В их волнующем рокотаньи
Непостижимо бопит душа.

1983

ТАГАРСКИЙ СОСУД

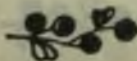
Желтые-желтые стоят деревья,
Шурша на ветру, опадают листья.
Нежные-нежные нити эти
Паучки травяные ткут.

Тает след улетающей стаи
Тонкий-тонкий в огромном небе.
Чистые-чистые мысли,
Как родники в траве, текут.

Желтые-желтые стоят деревья,
Шурша на ветру, опадают листья.
Тех, что в прибрежную заводь пали,
Волны игривые вдапь унесут.

Бьются тихо они о берег,
О прибрежные камыши.
Нежной-нежной липии чаша,
Как золотой тагарский сосуд.

1986

НЕ СПЕШИ, ЗОЛОТОЕ МГНОВЕНЬЕ

Не спеши, золотое мгновенье.
Но в своем полыхнувшем огне
Одари мое сердце прозреньем
Смысла жизни, лежащих в земле.

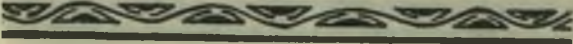
Кто они. И чего не успели.
Сколько смеха и слез загасили века.
В скорбном лике замолкнувшей степи
Недовысечена строка.

Кем он был, высекающий камни.
В сильных пальцах крошился гранит.
Не его ли бережными руками
Нынче время само говорит.

И в почтеньи пред ним, пред ушедшим
Сединою склонилась ковыль.
На тысячелетия повзрослевши,
Под ногами спрессована пыль.

И спрессованы судьбы и жизни,
И любовь, и страданья, и честь.
Отбушевавшие катаклизмы
Нам, живущим, не перечеть.

Не спеши, золотое мгновенье.
Но в своем полыхнувшем огне
Одари мое сердце мгновеньем
Смысла жизни, лежащих в земле.

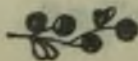
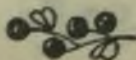
1973

РОДНАЯ СТЕПЬ

Родная степь! И быль, и солнце!
Тебе ковыль поклон свой отдает.
Табун коней вдали пасется,
Старик табак свой достает.

А он стоит на древнем камне,
А на висках белеют облака,
А под такими облаками
Ладонью — степь, а щепотью — века!
Родная степь! А ты все та же!
Все та же ширь и высота!
Во всем, что древность мудро скажет,
Твоя степная простота.

970

ЖЕРЕБЕНОК

*Род Ах Хасха — р
Белолобого кон.*

Я — твой потомок, древний мой народ.
Я — рода Ах Хасха потомок.
В степи моей призывно ржет
Незнающий уздечки жеребенок.

Он весел и игрив. И вскачь
Несется в травы белоногий.
Его еще никто запрячь
Не мыслит в дальнюю дорогу.

И не готов еще аркан,
Что просвистит над головою.
И мил ему родной курган
С проросшей вкусною травою.

Но в нем проснется в срок огонь
На зов степи, назначенный судьбою,
Не жеребенок тот, а гордый конь
Взлетит в полете над землею.

Я — твой потомок, древний мой народ.
Я — рода Ах Хасха потомок.
В степи моей призывно ржет
Незнающий уздечки жеребенок.

1983

ШАМАНСКИЙ ДАР

Ты говоришь, в моей крови
Есть кровь шаманская, глухая.
И оттого я трепетна в любви,
И оттого я в гнев закипаю.

И я спросила у отца
Истоки рода. Где начало.
В какой же колыбели, вздох тая,
Меня рука шаманская качала.

Быть может, эта же рука
В трех уходящих поколениях
Мне подарила сладость языка
И муку светлую творенья.

Так на заре в степной тиши
Восходит солнце, вновь рождаясь.
Не сердце ль то во мне стучит,
В биеньи новом повторяясь.

А дуги-брови — два крыла
Уснувшей ночи у кургана,
Она меня однажды обожгла
Тавром из рода белого шамана.

И лишь в руках не тюр¹ звенит
Могучий властью над мгновеньем.
Шаманский дар — ты мой зенит
В трех приходящих поколеньях.

1983

ЛИСТОПАД НА КЛАДБИЩЕ

Шуршит листопад над печальным покоем
Обелисков безмолвных и мраморных плит
О, какая же птица крылом золочёным
Очертила тут вечности скорбный зенит?
Здесь уже не текут для уснувших недели
Время тихо сомкнулось на датах. Но вздох
Чей-то вздох еле слышный, несмелый
Вдруг, почудясь, прошепся по мне, словно то
Огпянувшись, смотрю. Золотое мерцанье
Крыльев птицы неведомой полуслепит..
И вдруг сердце пронзает печальная тайна
И так зыбко, так глухо, так немо болит.
И почти невесомы они с этой тайной,
Полупрозрачны, полупрозрачны—
Кротких глаз, кротких лиц очертанья
Под шуршащим крылом золотой тишины

1990

¹ Т ю р — бубен шамана.

МОЛИТВА ИНЕЙ ТАС

*В горах Изых—Священных стоит Иней
Тас—Каменная женщина. В нее верили,
ей поклонялись, у нее просили...*

Ты дарила детей матерям,
Иней Тас,
Коль они припадали
К ногам твоим с тихой мольбою.
Не сощурив глаза
И не сдвинув бровей,
Ты вершила суды
Над изменчивой чьей-то судьбою.

И, свой каменный лик
Повернув на восток,
Ты встречала лучи
Восходящего солнца, как сына.
Был суровым твой взгляд,
Как бурливый поток,
Низвергающий вечность
Со снежной вершины.

О скажи, Иней Тас,
В звоне новой зари
Я с почтеньем
К твоим припадаю истокам.
Как увидеть народ,

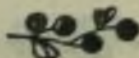
Разжигающий тайыг-костры¹,
Чтобы дождь их услышал
На небе высоком.

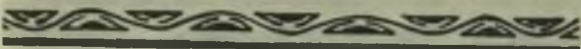
О поведай, как дочери
Древней земли,
Я с надеждой внимаю
Безмолвию камня,
Как услышать народ,
У которого первый хайджи
В великом наитии
Тронул струны чатхана.

Как постичь мне
В печали твоей, Иней Тас,
Свой народ в скорбный час
Непомерной утраты,
Слыша вновь сквозь века
Обезумевший крик матерей,
Гул земли
Под копытами яростной рати.

И не раз от пожарищ
Краснепа заря!
Но звучал голос новых хайджи,
Пели новые струны.

¹ Тайыг — жертвенный.

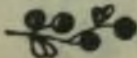

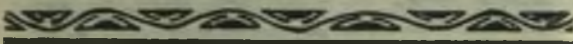
Как узнать себя в них,
Чтобы песня моя
Была песней степи,
Как стада, тонкорунна.

Как измерить мне боль
Уходящего дня
В негасимых
Курганах столетий,
Чтобы сердце народа
Болело во мне и меня
Называли поэтом.

Ты дарила детей матерям,
Иней Тас,
Коль они припадали
К ногам твоим, в чудо поверя,
Не сощутив глаза
И не сдвинув бровей,
Ты верши строгий суд
И над песнью моею.

1986

ГУСЬ С ПЕРЕБИТЫМ КРЫЛОМ

*После земной жизни душ
становится птицей /поверье*

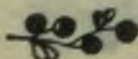
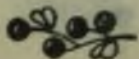
Блестят наготове охотничьи ружья.
Уходит в тайгу мой друг.
А осень листья яростно кружит,
Кружит время земной свой круг.

И мелькают стопетья, страны,
Судьбы, сосны и отчий дом.
А на земле, отставший от стаи,
Гусь с перебитым крылом.

Он не вскричал, встрепенувшись жапко
Вслед собратьям, умопкшим вдали.
Лишь скупая слезинка янтарной каплей
Скользнула по белой его груди.

А осень листья яростно кружит,
Кружит время земной свой круг.
В дальний угол поставил ружья,
С охоты вернувшись, мой друг.

1986

БЕЛАЯ ПТИЦА

*Мне приснился сон, что я, умерев,
превратилась в белую птицу.*

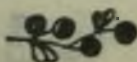
Я белой птицей, птицей одинокой,
Как облако, над миром поплыву,
За крону дерева над той протокой
Я зацеплюсь на миг, как наяву.

Я белой птицей полечу над степью,
Над морем вольных ковылей,
И дрогнет сердце, от любви ослепнув
К родному краю, краю ковылей.

Какие бубны зазвонят, как зори,
В руках у памяти родимой стороны!
Окину землю я прощальным взором,
Не ощутив тревоги и вины.

Я белой птицей в новом сотвореньи
Раскину крылья, будто рукава.
Пред грустной птицей, птицей-тенью,
Волною бережной плеснется синева.

1988

БЕРКУТ

*Душа женщины после земной жизни
становится жаворонком, душа настоящего
мужчины — беркутом /народное поверье*

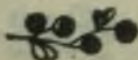
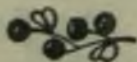
Парит над нами в синей вышине
Царь птиц степных — крылатый беркут.
О чья душа, на мир взирающая сверху,
Летит на белом неземном коне.
О кто ты, птица в синей вышине,
Парящий в поднебесье беркут?

Твой конь земной расседлан. А узде
Висеть у входа в юрту молчаливо.
Твой конь в степи пасется. И лишь гривой
Он чувствует тебя в ночной звезде.

Приходишь ночью и глядишь. Ее плечо
Такое теплое, родное бесконечно.
В смятеньи куришь трубку. Дымом Млечным
Твоя душа курится грустно и светло.

И лишь заря кукушкой золотой¹
Свои крыла распустит над землею,
Заплачешь ты росой, прозрачною слезою
За той неодолимою чертой.

¹ Золотая кукушка — воскресительница богатырей в сказаниях.

О кто ты, птица в синей вышине,
Парящий в поднебесье беркут?
О чья душа, на мир взирающая сверху,
Летит на птичьем бережном крыле?

1990

СТАРЫЙ КЕДР

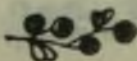
Кедры умирают стоя.

О старый кедр, о чем так стонешь,
О чем так плачешь в лучах зари?
За дальним хребтом, за чертою тонкой
Отбушевали свое глухари.

И в их ярости, в их накале
Истончипась живая нить.
Эхом любви обрушились скалы
На печи тех, кому уже не любить.

Но сквозь пепел сожженной боли,
Но сквозь искры угаснувших дней
Далеко-далеко над скошенным полем
Слышен зов молодых глухарей.

1985

КУКУШКА

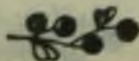
За темным бором, в сизой мгле,
Над той черничною опушкой
Еще не прожитые мною на земле
Мои года кукует мне кукушка.

Слепа она в своей лесной тоске
И одинока в дебрях тающего лета.
Но отчего на бронзовом виске
Забилась жипочка? Ах, это?

Считай, считай, кукушка, не молчи!
Плеснув отливом в бронзовой ночи,
Шаманским звоном плачут где-то буб
Я окроплю росой полночной высохшие гу
Считай, считай, кукушка, не молчи.

За темным бором, в сизой мгле,
Над той черничною опушкой,
Взмахнув крылами сонными в листве,
Замолкла вдруг кукушка.

1986

БЕЛАЯ ЮРТА

Вон восходит луна над далеким хребтом,
Вон восходит луна белой юртой на небо.
С золотой коновязи бездымным костром
Гривы звезд попыхают. И мне бы

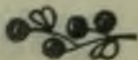
В этот час тишины в белой юрте земной,
На взлелеенном ложе из мягкой овчины,
Под крылом сновидений достойной женой
Отдыхать на плече дорогого мужчины.

Чтоб дыхание спящих очаг согревал,
Полукругом мерцающий в центре жилища.
И тѣсь¹ родовой так светло бы стоял
В ему предназначенном месте под крышей.

Но упали в столетья, рассыпавшись в прах,
Золотых коновязей священные пики,
И короткие блики угасли в зрачках —
Отпылавших пожарищ короткие блики!

И погас мой очаг:
Бились косы мои об копыта и камни.
В тех моих стекленеющих черных зрачках
Белой юртой рыдала луна над хребтами.

¹ Тѣсь — оберег.

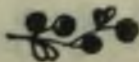
Век двадцатый, еще ничего не страшась
В степь времен наступающих скачет.
И глядит ему вслед, глаз сощуря, Чаа Тас
Много видевший, каменный, плачет.

Штору тихо откину — полог юрты моей.
Вон восходит луна. Льет свой свет белый
белый.

Разметавшись во сне над Вселенною всей,
Спит мой сын в родовой колыбели.

1990

Чаа Тас — камень войны.

СВЯТЫНИ В ПЛЕНУ

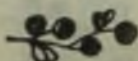
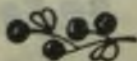
*Старые люди приходят кормить
каменные изваяния возле музея.*

Стояли они посреди степей.
Но их заарканили, как коней.
И, словно стадо послушного зверя,
Их загнали в ограду музея.
И вот они грустно в ограде стоят.
Тоскливо на мир городской глядят.
И неприкаянно стонут ночами
От горькой тоски-печали,
Что они, святыни, в плену.

Но люди не слышат, люди спят,
Они считают, что это ночью,
Темной ночью,
Шины машин визжат.

И люди приводят своих детей,
Чтобы посмотреть на впадык степей.
И люди пишут о них пространно,
Словно постигли до дна их тайну.
Словно премудрость каменных плов
Им осветила глубины веков.
Но росинки со смуглой щеки стекают,
Это ж слёзы полон проклинаят,
Что они, святыни, в плену.

Но люди не видят, хоть и глядят,
Они считают, что это камни,

Просто камни,
Всего лишь камни стоят.

Но катятся слезы со смуглой щеки,
В раскосых глазах столько горькой тоски
Они бы давно ускакали в степи,
Но держит земля, как невольничьи цепи
И гордые камни в музейном Храме
Все бредят и бредят своими степями,
Ссутупясь в печали, на мир городской глядя
Горько стонут ночами, кричат,
Что они, святыни, в плену.

Но люди не верят, хоть и хотят,
Они считают, что это бредни,
Всего лишь бредни,
В которых их убедить хотят.

Но, тихо присев у подножья обаа,
К лику богини степной обратясь, строга,
Старушка в дорожном запыленном платье
Кормит ее. С уст сорвавшееся проклятье
Не достигнет уже ничьих ушей.
Крошки хлеба того доклюёт воробей.
Смоет дождь с губ богини струю молока
Завтра ткнет ее грубо чужая рука.

1972

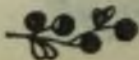
БУБНЫ ДОЛИН

Первый гром, первый лист,
Первый клювик травы,
Вещий голос кукушки
Из ближнего леса.
Ночь сложила крыла
Безобидной совы,
Отдыхает в дупле,
Словно в кресле.

На пригорке, на троне
Родимой земли,
В знатных серьгах Береза
Под куполом неба.
И божественный взор ее
Оживающие ковыли
Материнским дыханием
Нежно колеблет.

Славно бубны зеленых
Хакасских долин
Натянула весна
Пред великим камланием,
Что сощурил глаза,
Превратившийся в камень,
Динпин
В сокровенном
Своем ожиданье.

1994

МЕДНОГРИВЫЕ КОНИ

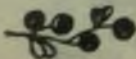
*В детстве я часто видела
как кони приходили на водопой*

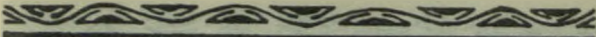
На вечерней заре медногривые кони
С лугов к водопою спустились к реке.
И поила река их с прохладной ладони,
Горячие ноздри купая в струе.

И в час тот закатный над степью и миром
Плыл стрекот кузнечиков — звонок и чист.
Пил последним вожак. В его бронзовой
гриве
Запутался рано угаснувший лист.

Полыхал горизонт в красном отблеске
света,
Плыло облако в той невесомости дня —
Когда на изломе июня так трепетно лето
Короткими бликами высветит камни со дна.

1986

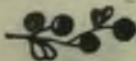

ЗАПАХ ПОБЕДЫ

Натянув тетиву,
Целюсь в синюю высь.
И стрела моя трепетно
В небо стремится.
В этот миг за спиной
Спышу — рысь,
Что сумела на кедре
Сухом притаиться.

И мгновенье одно —
Два коротких броска.
Два стремительных сердца
Копотятся в схватке.
И столетья, как когти,
В объятьях века,
И две ярости
В яростном перехвате.

И летят из-под ног
Белым вихрем снега,
Млечной гривой
Яростно вздыбясь!
Я все помню —
Как медленно снова рука
Подняла тетиву,
В небо цепиться сипясь.

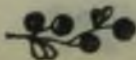
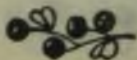

Я все помню — ты встал
В зыбком свете зари,
Как устало стоял
Над врагом побежденным.
О мой предок! Тот запах
Победы играет в крови
И в моей, сквозь века
Пронесенный.

Натянув тетиву,
Цепюсь в синюю высь.
И стрела моя снова
К полету стремится.
Если в миг тот почую
Коварную рысь,
О мой предок, ты должен
Во мне возродиться!

1985

КРАСНЫЕ ВСАДНИКИ

Элиг чир — священные места, где обитают духи. Жители Хакасии знают каждое такое место, стараются умиротворить их пищей или куревом, чтобы берегли людей от несчастий. Ус Тигей—Три Вершины — одно из таких мест.

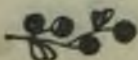
В горах Изых¹, в горах Священных,
Как крепость, вставших над рекой,
В чреде базальтов высоченных
Есть три хопма — подать рукой.

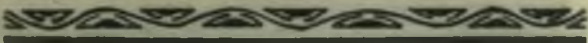
Несет река свои потоки
Под Белым Яром, клокоча.
По трансшоссе с другого бока
Машины бегают, урча.

Меж них, очерчен берегами,
Камней есть красный островок,
На тех хопмах краснеющие камни
Сакральной тайны уголок.

Живут там всадники. Их шлемы
Как россыпь красная камней.

¹ И з ы х — священная гора, на которой делалось жертвоприношение и производились моления духам.

В лучах заката эти шлемы
Горят пугливо для людей.

Там мир иной. В безмолвии блистает
Зари вечерней каганат.
В седло коней степных вставляя,
Апыпы скачут на закат.

И в той стране, обличьем строгий,
В Орге¹ давно их ждет хан-пиг.
Горит их свет-закат багровый
У Элиг чир на Изых-пик.

И в этом свете на кольчугах
От ран кровавых красный след.
На лицах этих красно-смуглых
Страны заката бродит свет.

Глаза закрытые те зрячи.
Опущены ресницы. В этот миг
Закатный луч, еще горячий,
Румянцем красит бледный лик.

Туман вечерний чуть клубится
В ложбинах гор. То пыль петит,
Как красный хвост степной лисицы,
Из-под краснеющих копыт.

¹ О р г е — головная ханская резиденция.

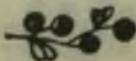
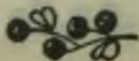
С востока ветер теплый слышен,
Как дуновение прошлых дней.
Он не ковыли жесткие колышет,
Колышет гривы медные коней.

Смотрю. И вижу. Сквозь ресницы,
Ресницы трав глядит Земля —
Над Элиг чир степная птица
Парит, раскинувши крыла.

* * *

Сломав привычно папиросу,
Водитель бросил за окно.
Камней краснеющая россыпь
Виднелась справа от него.

1990

ЗАЧЕРПНУ Я В ЧАШУ

*Победителю самая красивая
девушка преподносит чашу
/о б ы ч а й/*

Зачерпну я в чашу белого айрана¹ —
Терпкий вкус айрана на моих губах.
И взгляну украдкой — в гибком твоём стане
Молодая сила — трепетный тахпах².

В крепких твоих жилах — всех их век от века,
Юношей отважных, всех имен не счесть,
Знаменитых пигов, легендарных беков
Кровь течет горячая — родовая честь.

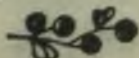
Где кончались песни, онемело время —
Твои пальцы чуткие на узде струны.
Гулкий цокот времени — ты взлетаешь в
стремя

Напоил коня ты в песнях старины.

Оттого ли равный средь певцов айтыса
Ты возьмешь победу на исходе дня.
Поднесу награду, как велит обычай,
Выпей чашу полную из рук моих до дна.

¹ А й р а н — напиток из молока.

² Т а х п а х — песня-импровизация.

Ох, спадка пи чаша белого айрана —
Терпкий вкус айрана на твоих губах.
Не гляди так долго — в гибком твоём
стане
Молодая сипа, нежный твой тахпах.

1985

ОСЕННИЕ ВЕТРЫ

То хакасские ветры пасутся в степи —
Не оседпаны.
Кони вольные и свободные —
Не заузданы.

Их копыта над гулкой землей петят —
Не подкованы.
Кони легкие и летучие —
Не стреножены.

Их игровые спины не знают кнута —
Свистящего.
Золотистые гривы их всегда —
Летящие.

Табуны их вольно пасутся в степи —
За курганами.
Я гляжу жеребенком им вслед —
Заарканенным.

1984

КОЛЧАН

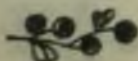
/речитатив/

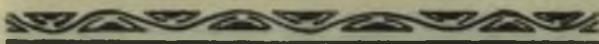
*В музее был выставлен боевой
колчан хикасского воина 17 века*

Конским потом пропахли руки.
Ноги словно выросли в стремяна.
Натянув тетиву боевого лука,
Напожил я стрелу из того колчана,
Из того, что пристегнут крепко
К потертой замше одежды моей.
Безголосым каменным спепком
Незрячий стою посреди степей.
И вольные ветры, с вершин гонимы,
Гупом веков наполняют грудь.
Клонятся травы — поклон родимым,
Ушедшим в свой невозвратный путь.

* * *

Лечу ли птицей над миром тленным,
Расту ли травой у курганных могил,
Не умевший жить в степях моих пленным,
Я свободным в степях моих жил.
Оттого ли вновь пахнут потом руки,
Ноги снова выросли в стремяна.
Натянув тетиву боевого лука,
Напожил я стрелу из того колчана,

Из того, что пристегнут крепко
К музейной стене покоренной страны.
Против пушек и пуль, рыдая, слепо
Летела стрела. До музейной стены.

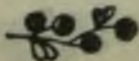
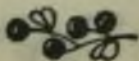
* * *

Полечу ли птицей над миром тленным,
Прорасту ли травой в родимом краю,
Научившись жить в степях моих пленным,
Я предкам моим поклон отдаю.
И песни мои на то им порука.
Читая с трепетом древние письма,мена,
Натяну тетиву безымянного лука,
Напожив стрелу из того колчана,
Из того, что хранится прочно
В памяти гордой курганной земли.
Пусть стрелы-слова летят — непорочны,
И от боли их клонятся ковыли.

* * *

О песни мои, вы еще не спеты.
В звоне дней, среди суеты,
В колчане моем, в моем сердце поэта,
Зреют песни о воле. Как слёзы, чисты.

1991

О ХОЗЯИН ПОРОГА

*От несчастий в пути ограждает
Иркин эзы — Хозяин Порога, а
От Ине — мать Огня бережет очаг
/ народное поверье /.*

Снова в путь собираюсь, в дорогу!
Уж дорожный багаж готов.
На минутку присев у порога,
Удачи прошу у своих богов.

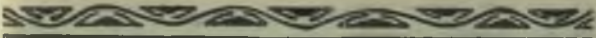
Чтобы сзади все глухо закрылось
Без возврата в прошедший миг.
Чтобы все-все впереди открылось,
И туда айна¹ не проник.

Чтоб дорога вперед лишь бежала
Без возврата в прошедший день,
Чтоб не стало концом начало
В этот светлый чудесный день.

И под куполом неба чужого края
Путеводной звездой мне мерцал
Мой очаг, охраняя, оберегая,
Все дорожные тяготы облегчал.

¹ А и н а — нечистая сила, черт.

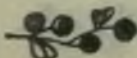

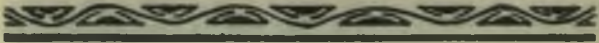
Чтобы вновь к нему возвращаясь
Из далей любых или близких дорог,
Я силой земли своей насыщалась,
Переступая родимый порог.

Оттого ли прошу Золотую Богиню,
Огради мой очаг без меня от беды.
О Хозяин Порога, О Дух Всесильный,
От напастей любых в пути огради.

Вот опять собираюсь в дорогу.
Уж дорожный багаж готов.
Как предки мои, присев у порога,
Удачи прошу у своих богов.

1993

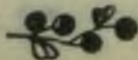
Я устало гляжу, как ссутулилось небо.
Слышу голос Земли. Ее горький упрек.
Грянет белое отмщенье
В роковой черный срок.

1994

МГНОВЕНЬЕ

Скорый поезд умчался
В перестуке колес —
В новом звуке мгновенье
В этот миг родилось.
И в разрезе эпохи,
Слитком золота — чист,
У плеча на мгновенье
Полыхнул желтый лист.
Паутинка качнулась —
Тихий звон серебра.
И мгновенье, как капля,
Соскопъзнула с весла.

1984

О МАТЬ ЫМАЙ

*Мать Ымай — Богиня материнства,
плодородия и жизни на земле.*

О Мать Ымай!

Сияешь ты над миром торжеством.
Во мне живет твоя непрерывная вена.
Твой материнский свет горит огнем
В глазах детей в идущем поколеньи.

О Мать Ымай!

Перед тобою голову склоню я
За твой подарок — жизни хут¹.
Сквозь чащу паса не меня ль, косую,
Копыта легкие несут.

О Мать Ымай!

Ты поднимаешь крылья в высоту,
Я оброну из клюва благодарный клекот,
И тем ручьем, затерянным во мху,
На солнце буду греть прозрачный покоть.

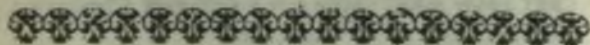
О Мать Ымай!

Я жить иначе не могу.
В кострищах песен, спетых до меня,

¹ Х у т — дух, душа, жизненная сила.

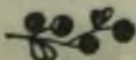
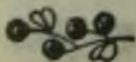
МОИ ПРОСТЫЕ ТАЙНЫ

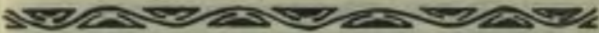

СЛОВА

Откуда-то тихо на волю
Родятся слова.
Просты, словно мир,
Зелены, как трава.
Никто не сажал их
На грядках земли,
Вольный ветер развеял
Их дикое семя,
Теплый дождь окропил их
В весеннее время,
И эти слова
Из родимой земли проросли.

Я иголкой кедровой
Рисую узор —
Моих мыслей и чувств
Сокровенный ковер.
Вышиваю, склонившись
Над белым листом.
И слова, словно кедры,
Просторно гудят,

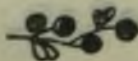
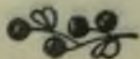

Как таежные грозы,
Тревожно гремят,
И пролиться спешат
Долгожданным дождем.

То ль охотничьим оком,
То ли оком стрепка
Я в тумане зари
Различу старика —
Седоглавый тасхыл,
Вознесясь высоко,
Вниз глядит, где в ущельях
Играют пороги,
Омывая ступни его
С пыльной дороги!
И слова, словно брызги,
Летят далеко.

1984

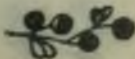
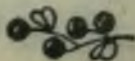

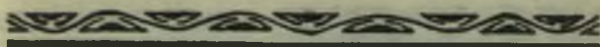
СТАРЫ, КАК МИР

Стары, как мир, мои простые тайны —
Я просто покоряю высоту.
Вот на крыльце сижу, а наш теленок Ваня
Мне лижет щеку. Я расту.
Вот кое-как залезши на ограду,
Я — памятник, смотрите — всем кричу.
Слетев в крапиву, не заплавав сразу,
Я от своей отваги бодро хохочу.

Но день пришел, и, расставаясь с домом,
В котором знаю каждое бревно,
Я уйду, и застревают в горле комом
Рыдания детства, слившись в то одно.
Я уйду. Так трудно обернуться.
В глазах собачьих тихая тоска,
Она ждала, ее окликнут и вернутся,
И вновь ее погладит детская рука.

О детства злые раны — тоже высота,
Та высота потерь немых. Я плачу.
А память вновь несет свои счета,
И вихри дней метелят, ничего не кляпча.
Я как ездок, поднявший на дыбы
Коня в его лихом полете!
И каплет пеной покоренною с губы
Другая высота — и кружит голову в намете.

И в жизнь мою врываются экспрессы,
Пронзают ночь другие истины и сны.
Постигнув высоту проклятия и стрессов,
Я постигаю мудрость вспыхнувшей весны.
И вновь глаза сияют жадным светом,
И кровь бурлит, слезам ликуя вопреки.
И предо мной исписаны листки
Великой высоты бессонницы поэта.

1986

СТРАХ НЕОПЛАТНОСТИ МОЕЙ

/речитатив/

*Жить суждено было только
одному из нас.*

I

А я похожа на нее? На маму?
Но у отца спросить я не могу.
Причиной смерти быть немало,
Как капли крови на снегу.
Но заплетал отец мне косы,
Мужские пальцы неповки.
Вдруг поняпа, что это осень,
Шаги отцовы нележки.
Вдруг поняла, что это годы,
Он в нас вложил их по зерну.
Отняв любовь его, не подло ль,
Коль я ничем не возверну.
А чем вернуть могу за маму,
Каким мерилom выверить сполна?
Причиной смерти быть немало,
Хоть вьюга лет те капли замела.

II

Страх неоплатности моей,
Ты словно меч, нависший надо мною.
Я это помню памятью своею,

В котором нет лица родного.
Ведь я не помню той руки
Прохладной умирающей ладони,
Ни глаз, покорных от тоски,
В борьбе за жизнь утомленных.
Не оттого ль во мне живет тот взгляд,
Что заставляет улыбнуться в горе,
Словами, как гранатами, в кого-то не
швырять,
Быть всё прощающей в смертельной ссоре.

Страх неоплатности моей,
Ты словно день, встающий после ночи.
Я это помню памятью своей,
В которой вместо мамы прочерк.
Ведь это было столько раз —
Запа ее и шепотом, и криком,
Но на поляне той в рыданиях гас
Затылок мой, в ромашки сникший.
Не оттого ль во мне живет та боль,
Что боль чужую чувствует сквозь пальцы,
И коль сегодня я ее делю с тобой,
То завтра радости твоей мне улыбаться.

Страх неоплатности моей,
Ты словно зов негаснущего света,
Я это помню памятью своей,
В которой острие бессонницы поэта.
Ведь я не с корысти хочу

Облечь в слова родившиеся мысли,
Ведь это просто по плечу —
Наполнить ведра в коромысле.
Не оттого ль хочу, не расплескав,
Те ведра донести до самого порога,
И чистотой воды оплатность оправдав,
Смотреть из-под руки в зовущую дорогу.

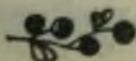
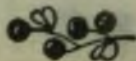
III

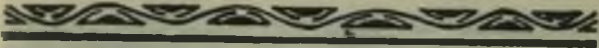
Ты не верь, если скажут, что я предала,
Обманула, скривила душою иль сердцем,
Если скажут, в беде руку помощи не подаю,
Оклеветана друзей языком, словно перцем.

Ты ведь знаешь, какой неоплатной ценой
Моя жизнь оплачена. В том ли горе рожденья—
Умирая, слабеющей смуглой рукой
Меня гладила мать, умоляя прощенье.

И угасла она. Били громко часы на стене.
Заплетал мне отец, подрастающей, косы.
Разве можно предать эту память во мне —
Эта память за все строже совести спросит.

1985

БЕЛЫЙ ИЮС

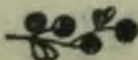
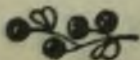
*Через тридцать лет после смерти
матери приехала поклониться
ее родине.*

Снова стою на твоём берегу,
Родина матери — Белый Июс,
Чтобы в ладони полней зачерпнуть
Из груди твоей воду, Белый Июс.

Как прежде, тебя согревают
Солнца лучи золотые, Белый Июс.
Зеленую тишь твою нежно качает
Молодой ветерок, Белый Июс.

Лиственничные кроны твои манят
Изумрудом, Белый Июс.
На полянках зеленых жарки горят
Каждой весной, Белый Июс.

Сколько же лет от тебя вдалеке,
Но болела душа о тебе, Белый Июс.
Немало дорог исходив налегке,
Сердце к тебе привело, Белый Июс.

И вот снова стою на твоём берегу,
Родина матери — Белый Июс.
Чтобы в ладони полней зачерпнуть
Из груди твоей силу, Белый Июс.

1984

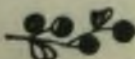
ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

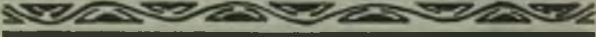
И все же терпим мы крушенья.
И в те обломки корабля,
Перед девятым цепenea,
Вопьются ногти в крике дня.

Но в этом грохоте соленом
На малом древке бытия,
На гребне волн, на гребне стопа
Спасись, дыханье затая.

Спасись от лжи, спасись от боли,
От зла в себе спаси себя.
Ты словно апып в поле боя,
Но ты сильнее, чем судьба.

1983

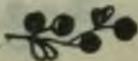

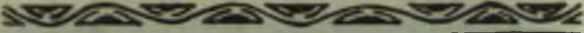
Я ПЛАЧУ

Я плачу сухими глазами,
Приехав на родину матери.
Здесь начиналась песня,
Которую ей не допеть.
Здесь она босоногой
По гладким камням бежала,
Острый поранил ногу,
Которой уже не болеть.

Не бойтесь, деревья, не стану
Вас упрекать за это,
Что выросли вы на месте
Старой деревни Тастар,
А на месте того колодца
Кукурузное поле,
И не скрипит уключина,
И не поет, как встарь.

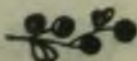
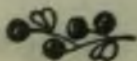
Не бойся, тайга, не стану
Просить у тебя и травинки,
Примятую следом матери
В тот сенокосный миг.
Ее давно уж скосили,
Ее давно уж скормили,
И теленка от той коровы
Давно уже нет в живых.

Давно уж стада другие
По склонам горы пасутся.
У тех, кто помнит маму,
Уже давно седина.
Я плачу сухими глазами,
Приехав на родину матери.
А время течет Июсом Белым,
Даже камни сдвигая
С песчаного дна.

1987

РЕЧУШКА ДЕТСТВА МОЕГО

Топадай — значит Полное.

Качнулась ива. В тишине
Кузнечик стрекот свой западип.
Вернулась все же ты ко мне,
Речушка детства моего — Топадай.

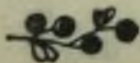
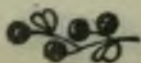
Тебя с любовью сберегли
Двух берегов зеленые падони.
По плечи пилии по броду шли,
Да загляделись, трепетные, в воду.

Как над тобою август чист
Со спелой гроздью веточки черемух.
С малиновым оттенком золотист
В ногах моих осыпавшийся ворох.

И чаша речки голуба.
Хочу испить, припав губами
Живой той влаги. Ведь судьба
Оберегла мне детство с берегами.

И нет на всей большой земле
Бесценней и дороже клада.
Вернулась все же ты ко мне,
Речушка детства моего — Топадай.

1983

СНЯТСЯ СНЫ МОИМ СТАРШИМ БРАТЬЯМ

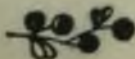
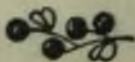
Снятся сны моим старшим братьям —
Может, берег Топадай плывет во сне.
Вот качает подку волной бесстрашно
На самой пенистой глубине.

А может, пошадь звенит уздечкой,
И, деликатно дыша в лицо,
Краюху хлеба с ладони детской
Берет губами. До крошки. Всё.

А может, снится им, как свистят на крыше
Улетающим вдаль голубым гусям.
Далеко-далеко и все выше-выше
Изумленье летит к небесам.

Снятся сны моим старшим братьям —
В разгоряченной их глубине
Гремят мечи в деревянных схватках
В босоногой лихой войне.

А может, с грустью впервые взрослой
Видят маму во сне живой.
Улыбаясь, она заплетает косу —
Свет струится в окно голубой.

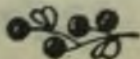
Вот она говорит — и уже не слышно,
Вот уходит она — стукнул ветер в дверях.
Печально-печально и все тише-тише
Шепчет детство у них в головах.

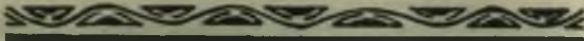
1985

ВЕЛИКИЙ БУБЕН

Куранты снова полночь бьют,
Гудят полночные экспрессы.
В конце концов, давай все взвесим,
Осмелясь все перечеркнуть.
Осмелясь все перекурочить,
Перекромсать, перекрушить,
И над костром горящих строчек
В великий бубен снова бить.

1986

ОТЦОВСКАЯ КРОВЬ

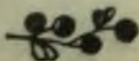
Улыбнись, если даже совсем не смешно,
Если даже дождит и дождит за окошком.
Все пустяк! Ведь прекрасно одно,
Что живешь на земле — вот великая
роскошь!

Что дано тебе все же родиться и быть,
Что отца на войне обошли пулеметы,
Что на землю родную с победой ступить
Суждено ему было, оставив окопы.

Что счастливее жизни, ликующей вновь,
Что могучее жизни, восставшей из пепла!
Улыбнись, мое сердце. Отцовская кровь,
Кровь солдата, течет в моих жилах и
крепнет.

И сдаваться обидам, злословью, слезам?
Для того ли живу, чтоб сдаваться и плакать.
Дай же силу рожденным для жизни
строкам,
Мое сердце, отцовское сердце солдата.

1985

О ЧЕМ ТЫ ПЕЛА

О чем ты пела мне, милая ача¹,
Когда чинила мой старый маймах²,
Когда штопала мой старый моркам³,
Когда пришивала петлю к моей старой тон⁴.

А за окном бушевала метель, милая ача,
Все заглядывала в наше теплое жилище,
Все рвалась в наше теплое гнездо,
Все мечтала о нашем теплом очаге.

О как сияли те белые стрелы, милая ача,
Над моим непасковым детством,
Над моим нелегким отрочеством,
Над моей пролетевшей юностью.

О чем ты пела мне, милая ача,
Когда чинила мой старый маймах,
Когда штопала мой старый моркам,
Когда пришивала петлю к моей старой тон.
Эта песня до сих пор живет во мне, милая ача.

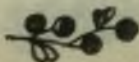
1985

¹ А ч а — ласковое обращение к бабушке.

² М а й м а х — обувь.

³ М о р к а м — обшлаг, манжеты у хакасского платья.

⁴ Т о н — хакасская шуба.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Давным-давно соседский мальчик Ваня
Сказал, какая ты курносая, бе-бе.
Как горько я рыдала в старом сеновале,
Какой противной казалась я сама себе.

А в пятом классе кто-то на тетради
Нарисовал у кляксы три рога.
Сводила счеты я за школьною оградой
В два яростных девчачьих купака.

О где теперь вы, облегчающие слезы,
Чтоб, выплавав обиду, сразу все простить.
Где бурной катавасии стремительные
грозы,
Способные обиду в шутку превратить.

Давным-давно теперь уже не плачу,
Горят глаза сухие от обид,
Два слабых купачка уж ничего не значат,
Чтобы обидчиков на месте сокрушить.

Давным-давно соседский мальчик Ваня
Сказал, какая ты красивая, да-да.
С тех пор живу на свете гордо, зная,
Что не купак, а время лишь всему судья.

1986

ОХОТНИЧИЙ НОЖ

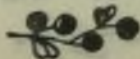
Ах, все чаще и чаще
Я вхожу в эти чащи
Пережитых обид.
И ведь помню немного,
Лишь всего только слово,
А душа вот болит.

С наступлением утра
Все, что зыбко и смутно,
Тает в сердце, как ночь.
И лучи молодые,
Нити солнца златые,
Мне готовы помочь.

Только хмурюсь я снова —
Режет больно то слово,
Как охотничий нож.
Тяжела и скупа
В этой чаще тропа
И петляет, как ложь.

Все, что мне остается —
Ждать до нового солнца,
Чтоб самой не солгать,
Чтобы вновь возвращаться
Из исхоженной чащи,
Научившись прощать.

1993

ПЕРЕЛЕТНЫЙ ГУСЬ

Ах, так случилось в этом мире яром —
Вдруг небо опрокинулось к ногам!
Рожденная на берегу крутого яра,
Я возвращаюсь вновь к твоим лугам.

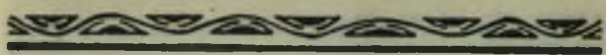
Уйдя девчонкой в две торчащие косички —
С химической завивкой возвращусь.
Чу! Пьет из ручья, как прежде, бойкая
синичка,
Пьет с наслаждением перелетный гусь.

Поют здесь кедры сумрачную песню,
И марьин корень раз цветет в году.
А где была я — воды слишком пресны,
А где была — метро гудит в стремительном
аду.

На площадях огромных, каменных и вечных,
На постаментах бронзовый отлив!
Но почему там снилось старое крыпечко
И пес наш старый, ласково-ленив?

И так хотелось мне прижаться к морде,
А может, в щеку он меня лизнет...
И пусть в Большом театре властвуют
аккорды,
И шум оаций над Москвой плывет.

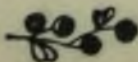
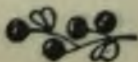
Так что случилось в этом мире яром,
Познав так много, что в себе несу—
Не сродни ль я тому, рожденному под
яром,
С весной петящему в гнездо родимое
гусю.

1989

В НАКАЛЕ ДНЕЙ

Бушуют мысли. И в накале дней,
На донце вычерпанной ночи
Пусть мне особым полномочьем
Даруется рождение страстей.
И пусть расходуя я сердце всласть.
На то ему тревожиться и плакать,
Чтоб эта трепетная накипь
Строкою чистой пролилась.

1986

Я ЖАЖДУ ЖИТЬ

(речитатив)

О как я верю в вечность бытия.
Я помню бунт морей в седых лохмотьях
бури.

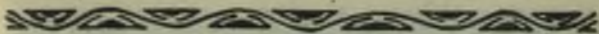
Когда-то над волною, белокрыпа и чиста,
Летела чайкой я в морской пазури.

И высоко над веком ппыли облака.
И как творенье в бездне изначалья,
Летела чайкой я — петели гупкие века —
И стала я китом. И бились волны о причалы.

Но блекли дни на остывающих ветрах —
Кричала я надрывно в журавлиной стае,
Как будто унося на собственных крылах
Свою тоску, что человеком все еще не
стала.

О кем бы я потом ни родилась —
В лесах косулей, птицей на седой вершине,
Дождем ли долгожданным пролилась,
Но я была, была. И вот качаю в колыбели
сына.

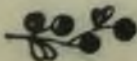
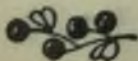

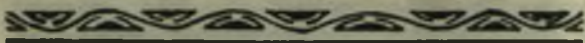

**Я — жизнь, в себя вобравшая века,
Я в ней травинка, чайка, спелый колос.
И помнит все — и чайки крик, и шелест
колоска
Мой человеческий могучий голос.**

О как я жажду вечность бытия!
Я жажду жить. И эту исповедь начепа,
В восторге изречения не тая,
Несу я миру, как кресало.

1986

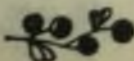

И ТАК ЧИСТА МОЯ НЕВОЛЯ

О слезы! Рухните, как пивень,
Как одержимый белый шквал,
И, клин тот вышибая клином,
Бессилие сразите наповал.
Омойте грудь мою от зноя,
От зноя засухи-тоски.
Как застоялись мои кони!
Копыта их опять легки!
Несите вновь меня на волю!
В последнем всхлипе коротка
И так чиста моя неволя —
Грозой омытая строка.

1985

МЫ ИГРАЛИ В БОГАТЫРЕЙ

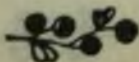
Мы играли на курганах в богатырей.
В ослепительных искрах сверкали мечи,
На дыбы поднимаясь, ржали потные кони,
Черной волчицей стелилась ковыль,
И вражий шатер мы срубали с налету.

Мы играли на курганах в богатырей.
От наших доспехов гремела земля,
От шлемов лихих развевался хвост,
От схваток горели плечи,
От круговерти клубилась пыль.

А когда вечернее солнце садилось,
Горячие лица ветерок обдувал,
Шершавые пятки в траве утопали,
А наши сердца упивались победой.

Но стремительный ветер горячего века
Унес нас вдаль от степных обаа,
Асфальт городов под ногами плавился,
Под крылом самолетов гасли огни.

И тогда наступили усталые будни,
Было злословье, как черная нитка слов,
Не раз на глазах застывали слезы,
А жизнь была — ежедневный бой.

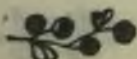
Но когда в круговерти летящих дней
Я пила торопливо остывший чай,
Но когда, наконец, с наслаждением
В предутренний час утопала в подушку,

Мне снились курганы мои степные,
В ослепительных искрах сверкали мечи,
Ржали потные кони, степилась ковыль,
И вражий шатер мы срубали с налету.

От наших доспехов гремела земля,
От шлемов лихих развевался хвост,
От схваток горели плечи,
Под ногами клубилась степная пыль.
И сердце мое наполнялось вновь
Жаждой победы.

Как давно мы играли на курганах
В богатырей.
Я в победу играю до самых
Сегодняшних дней.

1985

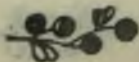

О МОЙ СОН НА ЗАРЕ

О мой сон на заре!
В этом пасковом сне
Так тепло, так уютно,
Так сладко.
Гривой розовой
Розовый свет в глубине
Ноздри сна
Обтекает украдкой.

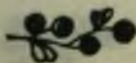
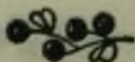
То ли травы шумят,
То ли кедры гудят,
То ли плещутся
Волны о берег,
То ль над озером
Низко турпаны летят,
Крик гортанный их
Слышу, наверно.

То ли шмелем лечу,
То ль травинкой расту,
То ль волною
О берег плещусь я.
Мне само поднебесье
Во сне по плечу,
Я над миром лечу высоко,
Словно гусь я.

Заколдованный круг.
В этом ласковом сне
Невесомо, как лист,
Опадают печали.
Словно мама моя
Меня вновь в тишине
Нежно-нежно в моей
Колыбели качала.

1984

МОЙ РОДНИК

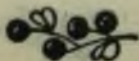
Было время мгновеньем, когда мой родник
Сквозь листву прошлогодною скупю
пробился.

И, пробившись на свет, не ослеп и не сник,
Потому что родник мой родился.

Был слепым первый робкий поток.
Как котёнок, он тыкался в мягкие травы.
Обогнул по дороге своей бугорок,
Как тропу, своё русло в пути выбирая.

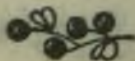
Вздрыгнул лист от тугого напора струи,
Но, сраженный неведомой силой рожденья,
Лег на дно, словно город руин
Пред всеильной пятой изверженья.

И сверкнул он в прыжке, словно рысь,
Сильным телом на солнце играя.
О неведомый мир впереди, покоришь
Моему роднику из родимого края.

Он с другими сольётся в дороге своей,
Широко понесется рекою бурливой.
И вожак к той реке, молодой, длинно-
гривый,
В знойный день приведет молодых лошадей.
А в сепеньях под вечер, под красный закат,
Будут звенькать в подойники белые
струи.
И вольётся родник мой в большой каганат,
В каганат всех морей. И тогда не умру я.

1986

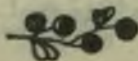
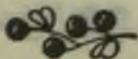
АХ, КАКАЯ ЗЕЛЕНАЯ ОСЕНЬ

*Август — месяц уходящей
молодости.*

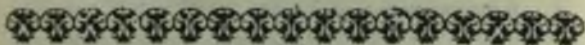
Ах, какая зеленая осень!
Слиток золота в листьях
Еще не отпит.
И, шурша над землей,
Золотистая россыпь
На аллею еще не летит.

Ах, земля еще пахнет пряно!
Всплески звуков
Летят дапеко-далеко.
Еще дышится молодо,
Сердце упрямо,
Еще так безмятежно легко.

1986

ГЛУХАРИНЫЙ ЗОВ

ГЛУХАРИНЫЙ ЗОВ

А поверить в тебя так хочется.
На изломе тревожном бровь.
Сквозь усталое одиночество
Слышу тот глухариный зов.

Зов всесильный. Пора весенняя
Начинает свой вечный спор.
Ты прости. Ну, а если в ельнике
Притаился чужой затвор.

Ну, а если палец играючи
Спустит курок. На замшелой земле
Опрокинется птица навзничь. И
На том глухарином крыле

Капли крови—капли брусничные
Затвердеют в закате песного дня,
Растворится в ветвях эхо зычное,
Притаится в кустах тишина.

А поверить в тебя так хочется.
На изломе тревожном бровь.
Глухариным клекотом одиночество
Отвечает на встречный зов.

1984

И УЛЕТЕЛИ УТКИ

Я стала старше радости моей,
Моей любви, моей печали.
Над озером прощально прокричали
И улетели утки. Не жалеи
О тех, кто больше не вернется,
Как та отрада милых дней.
Крылом турпана встрепетается
Несказанное слово. Не жалеи.

1985

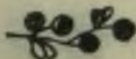

НА БРОНЗОВОМ ВИСКЕ

О не вини меня,
Не осуждай меня,
Не сравнивай ни с кем.
Пусть бьется жилочка
Счастливая,
Пульсируя,
На бронзовом
Виске.

Ведь я, как путница усталая
От слякоти, от ветра,
От дождей,
Пришла к тебе горячему,
Пришла к костру горящему,
Прошу тебя,
Согрей.

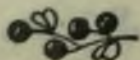
Согрей мне плечи хрупкие,
Согрей мне пальцы узкие,
Ласкою и страстью
Молча одари.
Душу мою вылечи
Травами и песнями,
Как в древности печили
Знахари.

И пусть я и не званная,
И пусть я не названная,
И пусть я не жена,
Хочу испытать я
Чашу мук своих
И чашу счастья своего
До дна.

И ты за это не вини меня,
Не осуждай меня,
Не сравнивай ни с кем..
Пусть бьётся жипочка
Счастливая,
Пульсируя,
На бронзовом
Виске.

1984

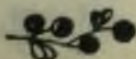
НА СТАНЦИИ ТУИМ

Я жду московский на таежной станции
Туим,
А он придет лишь в два часа таежной ночи.
Давай, мой друг, с тобой поговорим,
И станет ожидание мое чуть-чуть короче.

Ты спишь сейчас в отдохновеньи от забот,
И городские сны царят в твоей квартире,
А здесь над ельником пуна янтарная
плывет,
Чернеет перевал Туимский мощной гривой.

В той чаще дальней молодой глухарь
Ждет первый свет, в любовном недуге
тоскуя.
Едва забрезжит утро, страстный свой
удар
Он в грудь соперника обрушит, яростно
токуя.

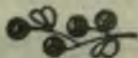
Здесь свой закон, закон безжалостной
тайги.
На водопой к ручью ведут ночные тропы.
Почуяв нежный запах быстрой кабарги,
Ноздрями тянет рысь, в кустах таясь
напротив.

Едва примяв брусничный лист упругий у
тропы,
Едва задев в прыжке цветущий марьин
корень,
Метнется волк. При лунном свете так
скупы
Следы на старом пне давно присохшей
крови.

При лунном свете станция таежная Туим,
В листве зарывшись, дремлет куропаткой.
Давай, мой друг, с тобой поговорим,
И будет всё со мной, мой друг, в порядке.

1986

И ДРОБЬЮ ЦОКОТОМ В НАЛЕТ

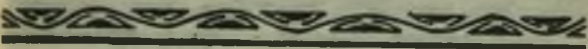
И дробью цокотом в налет
Взвонит земля в пыли горячей.
А разве может быть иначе —
В нас кровь хакасская течет.

А разве может быть иначе —
В стремительном блистании огня
Лететь в нетерпеливом скаке
В седле степного скакуна.

А разве может быть иначе —
На донце взмыленного дня
Взгляд будет быстрым и горячим,
Как ноздри черного коня.

1984

КРАСНЫЙ ЗВОН

Нет, не случилось поповодья,
И реки вспять не потекли.
И, дерзко натянув поводья,
На всем скаку коня не подсекли.

Нет, еще не рухнули обвалы,
Круша столпы таежных скал.
И, гулкий мир весны внимая,
Вожак-козел не задрожал.

И грудь его широкая могуча,
Могучи гордые рога.
Он, не пронзенный пулей, с кручи
Еще не рухнул в облака.

Нет, не случилось поповодья,
И тих, покоен спящий дол.
Но тот курок уже на взводе —
В меня нацелен черный ствол!

И все слова твои, как пули.
Они пронзят меня, и я,
В недоумении обернувшись к дулу,
Осяду молча в звоне дня.

И все случится. Мир, как стон,
Во мне взовьется и иссякнет,

И красной струйки красный звон
Искрою красною погаснет.

И льдины ринутся к порогам,
Обвал с вершины загремит.
Пред ликом зпа и боли, дрогнув,
Во мне ребенок закричит.
О, не спеши!

1985

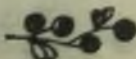
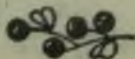
РАНЕНАЯ ПТИЦА

Я, как большая раненая птица,
В затянутой морозцем полынье.
Боюсь к тебе смертельно приручиться
В твоём домашнем искреннем тепле.

Но улечу я в день, когда окрепнут
крылья
Но поднимусь над крышею твоею на заре
Чтоб ты не видел, как слеза застыла
В глазах моих в холодном ноябре.

Я поднимусь. И, прокричав прощально,
В свой дерзкий путь взмахну крыла.
И ты, глаза свои прикрыв печально,
Поймешь, что я не предапа.

1986

А ДОРОГА МОЯ ВСЕ КОРОЧЕ

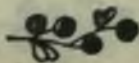
А дорога моя все короче —
Полночь вычерпана до дна.
Ты, ничего не пророча,
Лишь молча смотрел на меня.

И было все ясно и просто —
Простая беседа лилась.
Лишь вьюга за низким оконцем
В кольчугу сугроба плелась.

А завтра мне снова в дорогу.
Вязанье свое отложив,
Сказала я, милый мой, с богом,
Был бы ты только жив.

Напей мне горячего чаю
И счастья нам не пророчь.
И неизвестно, какою печалью
Мне плакалось в эту ночь.

1986

БАБЬЕМУ ЛЕТУ ЗВЕНЕТЬ

Любовь, говорят, приходяща.
Но коварна такая она,
Потому что она проходяща,
Как буйная мука-весна.

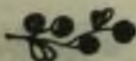
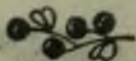
То нежностью сочности первой
В ладонях листвы опьянит,
То ливнями грянет по нервам,
Подкосит, подломит, лишит.

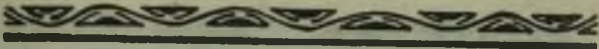
То жаждой великой оглушит,
То страстью слепой истомит,
Разнотравие буйное суши
В бездонных морях растворит.

Но тихо крадучая осень
На цыпочках в чащу войдет,
И первой копною покоса
Прохладу с собой принесет.

Но долго звенеть ещё лету,
Бабьему лету звенеть,
Слитком зопота долго комете
Над скошенным лугом пететь.

1989

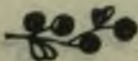
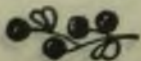
СПАСИБО, ЧЕЛОВЕК

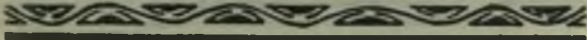
Ей на глаза надвинули мешок.
Всхрапнув, осела лошадь наземь.
Спасибо, человек. За то, что смог
Ударить только раз. И сразу.

Спасибо, человек. Всего лишь взмах.
Она его увидеть не стремилась.
Уж в ничего не видящих глазах
Слезинка лошадиная скопилась.

И человек со лба вдруг вытер пот
И закурил дрожащею рукою.
Во мне давно тот взмах живет —
А если все не с лошадью. Со мною?

1983

РАССКАЖИ

Расскажи мне о том,
Что еще не приснилось,
Расскажи мне о том,
Что еще не сбылось.
Еще старая боль,
Отболев, не забылась,
Еще сердце надеждою
Вновь не зажглось.

И земля еще белым
Крылом не укрылась,
Но снежинки,
Как трепетный росчерк зимы.
И, прощаясь с тобой,
Мы еще не простились,
И, встречаясь с тобой,
Еще встретимся мы.

1985

А СНЕГ ВСЕ ШЕЛ

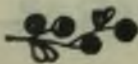
А снег все шел, укутывая землю.
Твой самолет поднялся над тайгой.
И тот бокал искрящегося зелья
Ты под куранты выпил не со мной.

И не со мной задумчивое танго
Ты в эту ночь, волнуясь, танцевал,
И под чарующую музыку Вахтанга
Не обо мне с любовью тосковал.

А снег все шел, укутывая землю.
Звезда Солбан¹ сияла божеством.
В бокале ночи голубое зелье
Искрилось пеной Млечной за окном.

1983

¹ С о л б а н — Венера.

ТЫ ВСЕГДА СО МНОЮ

Ты всегда со мною, мой любимый.
Это все, чем я богата и горда.
Слышишь, длинной чередой зимы
Добавляют нам с тобой года.

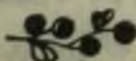
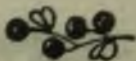
Оттого ли, чуть примяв ковыли,
По степи курганной я бреду,
Проникаясь в каменные были,
Я с тобой будто говорю.

Оттого гляжу на мир без страха
И на заре, и на исходе дорогого дня,
И прядет ли небо, словно пряха,
Нити смуглые раскосого дождя.

И когда сияют белые сугробы,
И когда закаты петние тихи,
Ненароком обронивши слово,
Сердце перепавлю на стихи.

Ты всегда со мною, мой любимый.
Лист осенний кружится шурша.
Перечитываю письма, пожелтевшие на
сгибах,
И печалью светлой полнится душа.

1980

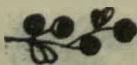
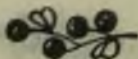

БРУСНИЧНЫЙ ЖИВИТЕЛЬНЫЙ СОК

Встрепенись, мое сердце,
Уставшее плакать.
Все, что прожито,
Скошенный пуг.
Новый день никогда
Не начнется с заката,
Спелый копос не рухнет,
Не рухнет под плуг.

Оглянись, мое сердце,
Познавшее радость.
Слышишь, стрёкот кузнечиков
Весел и строг.
Восходящего солнца
Рубиновый радиус,
Словно в чашку лесную
До края налитый,
Будто сливками свежими,
Облаком взбитый
Брусничный живительный сок.

1984

ПОСЛЕДНЯЯ БРУСНИКА

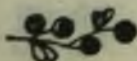
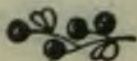
Листья умирают тоже.

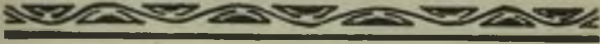
Притихнут шепесты в кустах,
Листва, свернувшись, сникнет.
Во мху увядшем отыскав,
Сорву последнюю бруснику.

И будет ягода моя
Последней черточкою пета.
Земля, тревогу затая,
Теплом последним обогрета.

И листья желтые, опав,
С шуршанием последним
Отшелестев, отбормотав,
Замопкнут, полудремля.

1982

ПТИЦЫ ААТ

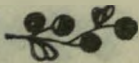
Песня птицы аат — одна из самых популярных в народе.

На рассвете они поднялись над водой,
Сильным взмахом крыла рассекая зарю.
Далеко-далеко путь лежал над тайгой,
Золотым листопадом звеня сентябрю.

Звон петел в поднебесье. Апел восток.
Было вольно любимой с любимым пететь.
Но вдруг пальцы нажали на черный курок,
И померкла заря, и померк белый свет.

Он от горя кричал, вопрошая кедрач,
Он кружил и кружил над безмолвием дня.
Эхо множило птичий отчаянный плач:
«Где любимая, где она?!

Я черный родник облетел, облетел,
С кем делил я гнездо, не нашел, не нашел!
Кровью стали слезы мои —
Род человеческий я проклинаяю!

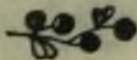
Я большую тайгу обыскал, обыскал,
С кем делил я судьбу, не нашел, не нашел!
Льдом стали ноздри мои —
Мир человеческий я проклиная!»

Высоко-высоко поднялась птица аат
И, пронзив облака горьким криком тоски,
Пала наземь, как камень. Охнул кедр.

Закат

Тихо плакал в ладонях тайги.

1985

ПРИТЧИ

МУДРЫЙ КРОТ

Кочевал ли орел по великой земле
Иль наскучило жить на безмолвной вершине,
Но спустился он с гор и в лесной тишине
Свить гнездо захотел для орпино сына.

Так кружил он, кружил, выбирая, как трон,
Крону дерева гуще, пышнее и выше.
Свив гнездо на вершине, успышал вдруг он
Снизу голос крота: «Эй, орел, меня слышишь?»

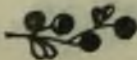
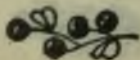
Если слышишь меня, то послушай совет:
Ох, на дереве этом гнездо не верши,
говорю я!

Корни кедра больны, и так много им лет,
И не выжить ему перед первою бурей».

Но не внял он словам тем, смеясь над
кротом:

«Что ты знаешь, слепец, о небесном просторе!

Притчи написаны по материалам этнографической
экспедиции Н.Ф. Катанова по Минусинской долине
1890 года.

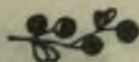
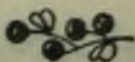
Я ль не царь, чтоб указывать мне!» И потом
Улетел за добычей для сына. Но вскоре

Налетел ураган! Ветер выл и метал!
Копья молний сверкали зловеще!
Старый кедр пред ними в бессильи стонал.
Содрогались могучие плечи.

Возвратился орел из-за дальних хребтов.
Старый кедр лежал, ураганом сраженный.
«Мудрый крот, — тихо молвил орел, — я
готов

Слушать тех, кто внизу».
И поник над гнездом погребенным!

1986

В тот летний день саглах озерный,
Подкаменник с широкой головой,
В лучах горячих солнца греясь,
Лежал на камне, глядя пред собой.

Лежал и думал: «Жизнь так быстротечна!» И вдруг змею увидел, ползшую с горы. «Желаю здоровья, подкаменник!» — сказала Змея, скользнув скорее в волны от жары.

«О здравствуй, здравствуй, — рыба
отвечала, —
Как ты состарилась, голубушка змея!»
«Откуда ты о старости моей узнала?» —
Вдруг сморщилась прищепица. «А я

Твою дорогу к озеру узревши,
Тебе о том сказала, правды не тая».
На след с горы извилистый взглянувши,
«Да, я состарилась, — вздохнула гордая
змея, —

Теперь уже, как молодая, напрямую
Чрез камни острые, как прежде, не ползу.
Я, тело старое жалея, осторожно
Его тропой извилистой до озера несу».

В тот летний день саглах озерный,
Подкаменник с широкой головой,
Лежал и думал: «Ставши мудрым,
Теперь уж я и сам не молодой!»

1994

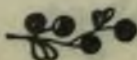

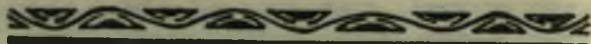
ТРИ СЫНА

На белой вершине тасхыла,
Под самыми облаками,
Жил-был Кюгюрт хан Великий,
Повелевавший громами.
Три сына его жили вместе с отцом
В том ханском Дворце шестигранном.
Им еще от отца отделяться,
Считал Кюгюрт хан, было рано.

Так он обучал сыновей не одной
Лишь своей властелинской науке,
Но и целый табун выпасать,
Да на пашне крестьянской мозолить руки.
Но день наступил. Обученью конец.
И конец испытаньям отца суровым.
Три алыпа сильны. Три алыпа умны.
Три алыпа к великой работе богов готовы.

Однако отец им готовил еще
Самый последний отцовский экзамен.
Став странником, к пахарям он пришел
Со слезящимися глазами.
И, придя, он сказал им ужасную весть
Ради самой великой проверки:
«Ваш отец умирает, бегите скорей,
Поскорее спасите родного от смерти!»

Первым бросился старший из трех
Сыновей. Звали старшего Солнце.
Он вскочил на коня своего,
Словно ветер, летел к дорожному оконцу.
Сын второй, молодецкий Огонь,
Тотчас тоже седлает коня молодого.
Только Месяц один, младший сын,
В размышленьи остался у плуга степного.

«О куда мне спешить? И зачем? —
Говорит сын младой, тешась мыслью
гадкой, —
Если будем богатство отца меж собою
делить,
Наконец стану я властелином богатым!
Да и чем помогу в Белой Юрте отцу?
Этим пусть занимаются старшие братья!»
Слыша эти слова, странник горько вздохнул,
Как сраженный нечистою ратью.

С тех пор повелел Кюгюрт хан:
«Копь любовью твоей мое сердце согрето,
Всех согрей на Земле, Солнце-сын!
Быть тебе, старший сын, Богом Жизни и
Света!

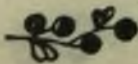
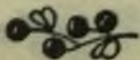

А тебе, сын-Огонь, одарить всех теплом
И в тайге, и в горах, и в пути, и под крышей,
И в ненастье, и в холод, и в горе, и в голод,
Другом быть, Богом быть Очага и Жилища!»
Долго медлил отец, назначая судьбу
Сыну-Месяцу. Хмурил брови кустисто:
«За твое бессердечие только во тьме
Я тебе разрешаю порою светиться!
Лишь затем, чтобы путник не сбился с
пути!

Пусть отныне на небе звездном,
Как и чувства твои, свет обманной Луны
Будет ликом твоим холодным!»

На белой вершине тасхыла,
Под самыми облаками,
Живет до сих пор Кюгюрт хан,
Повелевая громами.
Три сына его, три Великих Бога,
Владыки стихий и всему венец,
До сих пор правят миром Вечным,
Как повелеп им однажды отец.

1994

МЫШЬ И ВОРОБЕЙ

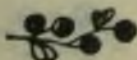
Два побратима, мышь и воробей,
В одной норе, как в юрте доброй, жили.
С весны до самых урожайных дней
Они прокорм в свое жилище дружно
Приносили.

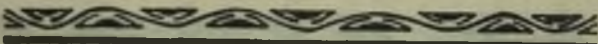
Когда копосья славно в срок,
Налившись силой, сочно тяжелели,
Чтобы зерном наполнить дальний уголок,
Они трудов крестьянских
Не жалели.

Один на крыльях облетал жнивье
И, зорко выглядев добычу зопотую,
Другого звал. Свою нору-жильё
Набив добром, они не знали страха
В зиму злую.

Лоснился мех у мыши полевой,
Блестели сыто пёрышки у птицы.
И так бы век им жить! Но меж собой
Вот надо ж спору этому
Случиться!

Сказала мышь: «Живешь нечестно, воробей!
За счёт труда чужого богатеешь!

Я ноги бью—о! — сколь осенних дней,
А ты, летая всласть, лишь над землёю
Бреешь!

Несу в защёчинах я зёрен сто,
А сколько ж ты в коротком клюве, слушай?»
Всплеснув крылами, птица охнула: «Ты что?
Да если бы не я, не знать тебе колосьев
Самых лучших!

Да если бы не я, давно бы ввысь
Тебя унес тот черный коршун!
Да если бы не я, тот рыжий лис
Тебя давно б на завтрак
Укокошил!»

«Да это я, не ты, нору копала, — горячилась
мышь, —
И устилала мхом твое гнездовье!»
«А ты зато всю зиму на боку пежишь!
Я корм и в стужу достаю!» — кричала
птица.

Веский довод.

«Так я лентяйка?» — и мышь вцепилась в
воробья.

Летели перья, клочья шерсти!
Два брата, словно злейших два врага,
Схватились насмерть в поединке
Чести.

Наутро суд песной судил их спор!
Кричали птицы, птицу защищая!
За мышь кричали звери! Крик тот — сущий
вздор!

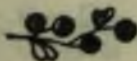
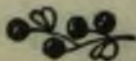
Однако началась из-за него война
Большая!

Армады птичьи, небо заслонив,
Звериную атаку с ходу отбивали!
Лишь степь родную в клочья искрошив,
Они, опомнясь от войны ужасной, горько
Зарыдали!

Но было поздно. Мышь и воробей
Уж не живут в одной норе, как в юрте.
Свалялась шерсть у мыши от голодных
дней,

На ножке скачет бедный воробей
От стужи лютой!

1994

ЛЯГУШКА И БЫК

Жила-была лягушка на болоте
Среди зеленых кочек, мягких трав.
Встречая солнце поутру, она хватала
слёту

Жуков-букашек... От трудов устав,

Дремала тихо в травяной постели.
Квакушке так бы жить на свете, тихо жить.
Она, однако, стать княгиней захотела,
Болотом правя, ханшей на болоте быть.

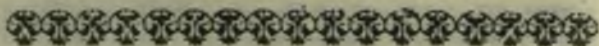
И, вот быка увидя как-то на пугу,
Она решила стать с быка величиною,
Согнётся сам Журавль перед ней в дугу,
И Водяная Крыса будет чтить её княжною!

И вот, чтоб бычью занять великость тела,
Она всё ела-ела, ела-ела, ела-ела...
Ей так хотелось стать Великой! Только вот
Вдруг попнул у неё раздувшийся живот!

Так не пришлось ей ханшей стать,
Пришлось бедняжке глупо так пропасть.
А Бык поныне на пугу своём пасётся,
Не ведая о том, что глупостью зовётся.

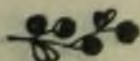
1995

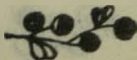
ПОЧЕМУ

Почему такие грустные песни поёшь, сестра
моя?
Почему такая грусть в глазах твоих, сестра?
А я ведь просто те песни пою, что поёт
народ,
Те, что мать моя пела, их ача пела когда-то.
Почему невесёлые песни поёшь, о брат мой?
Почему морщинки у глаз твоих средь
веселья?
А я ведь мелодии те пою, что поёт народ,
Те, что поёт мой отец, их пел мой ака
когда-то.
Скажи мне, пабам, почему так печально
звучат,
Те песни, которые ты поёшь со своей
сестрой,
А сестра твоя, тётя моя, почему так
печально вздохнет,
Когда споёт тахпахи свои, ыр-сарын свой?
Ничего не ответил отец. Лишь глубоко
вздыхнул.
Лишь рукою махнул, чтобы вслух не сказать того,
О чём говорят родные степи, чужому
народу родиной ставши,
О чём говорят родные земли, на которых
город чужой возведён,
О чём говорят родные реки, на берегах

которых речь чужая,
О чём говорят родные дети, на чужом
языке говорящие.
Ничего не ответил отец. Горестно лишь
вздыхнул.
Только сщурил глаза, словно больно
ему видеть то,
О чём молчат курганы степные,
память о войнах этой земли,
О чём молчат менгиры степные, камни-
воины этой земли,
О чём молчат письма святыя, голос
замерший этой земли,
О чём молчат старики седые, гордость и
боль родимой земли.
Ничего не ответил отец. Лишь печально
вздыхнул.
И тихо запел он песню, которую пел
когда-то его ака,
О белоснежных вершинах тасхыпов, бе-
леющих вечно,
О синеющих реках бурливых, синеющих
вечно,
О раздольных степных ковылях, играющих
вечно,
О черноголовом народе моем, уходящем
в вечность.

1995

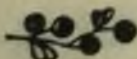

РАЗВЕ МОЖНО УЙТИ

Видишь, звезды горят,
Изумрудно-чисты,
И в бокале зари
Золотистые вина.
Разве можно уйти,
Не познав высоты,
Не испив все до дна,
Не изведав глубины.

Разве можно отречься,
Еще не успев
Принять веру
С восторгом и стоном.
Разве можно погаснуть,
Еще не сгорев
Над курганным
Степным небосклоном.

1985

СОДЕРЖАНИЕ

ЮНОШЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Брусника на ладони	5
Теленок	6
Княгиня	7
Лосенок	8
Юная хайджи	9
Строка	10
Ночь	11
«Я дрогнувшей рукой...»	12
Золотинки осенних дней	13
Колыбельная звезд	14
Лучшее слово	15
Снова осень бродит	16
«И зачем ты однажды...»	17
Тихо-тихо струна звучит	18
Снова пух тополиный	19
Быль	20

ТЕНИ ПРЕДКОВ МОИХ

Белые всадники	21
Да, мы оттуда	22
Камень красно-белый	23
Солнце-бубен	24
Стоит высокая трава	25
Ты скажи, отчего	26
Тагарский сосуд	27
Не спеши, золотое мгновенье	28
Родная степь	29
Жеребёнок	30
Шаманский дар	31

Листопад на кладбище	32
Молитва Иней Тас	33
Гусь с перебитым крылом	36
Белая птица	37
Беркут	38
Старый кедр	39
Кукушка	40
Белая юрта	41
Святыни в плену	43
Бубны долины	45
Медногривые кони	46
Запах победы	47
Красные всадники	49
Зачерпну я в чашу	52
Осенние ветры	53
Колчан	54
О Хозяин Порога	56
Белое отмщенье	58
Мгновенье	59
О Мать Ымай	60

МОИ ПРОСТЫЕ ТАЙНЫ

Слова	62
Стары, как мир	64
Страх неоплатности моей	66
Белый Июс	69
Девятый вал	70
Я плачу	71
Речушка детства моего	73
Снятся сны моим старшим братьям	74
Великий бубен	75
Отцовская кровь	76
О чем ты пела	77
Давным-давно	78
Охотничий нож	79
Перелетный гусь	80

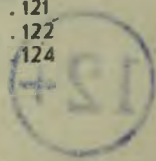
В накале дней	81
Я жажду жить	82
И так чиста моя неволя	84
Мы играли в богатырей	85
О мой сон на заре	87
Мой родник	89
Ах, какая зеленая осень	91

ГЛУХАРИНЫЙ ЗОВ

Глухариный зов	92
И улетели утки	93
На бронзовом виске	94
На станции Туим	96
И дробью цокотом в налёт	98
Красный звон	99
Раненая птица	100
А дорога моя всё короче	101
Бабьему лету звенеть	102
Спасибо, человек	103
Расскажи	104
А снег всё шёл	105
Ты всегда со мною	106
брусничный живительный сок	107
Последняя брусника	108
Птицы аат	109

ПРИТЧИ

Мудрый крот	111
Подкаменник	113
Три сына	115
Мышь и воробей	118
Лягушка и бык	121
Почему	122
Разве можно уйти	124

Валентина Кирилловна Татарова

БРУСНИКА НА ЛАДОНИ

Сборник стихов

Художник В.Н. Кызласов

• **Редактор В.В. Чезыбаева**

Художественный редактор

В.Н. Кызласов

Технический редактор

Е.Д. Сунчугашева

Корректор П.К. Тахтобина

Компьютерное обеспечение

Н.Л. Боргояковой

ИБ 123

Сдано в набор 28.12.94. Подписано к печати 10.10.95. Формат 60х90 1/32. Бумага писчая. Гарнитура журнальная рубленая. Офсетная печать. Услпеч.л. 4,0. Усл.кр.-отт. 4,12. Уч.-изд.л. 3,52. Тираж 1000 экз. ЛР 010213. Заказ № 44. С—40.

Хакасское книжное издательство,
662600, г. Абакан, ул. Щетинкина, 18.

УПП «Хакасия»,
662600, г. Абакан, ул. Щетинкина, 32.

